

Сыродеева, А.А. Социальная эклектика. - М.: Наука – Восточная литература, 2021 – 142 с.

Сквозной темой книги является проблема социальной интеграции, ее возможности и перспективы. «Нынешний уровень публичности заставляет по-новому звучать проблемы границы между мнением обыденным и в той или иной мере профессионально выстроенным социогуманитарным знанием. Речь идет не об исчезновении дифференциации как таковой, а в ставшей более явной ее относительности» (с. 4). Поэтому современную социальность автор рассматривает через призму поэтических голосов, способствующих ее раскрытию, и через анализ философствования своих современников и коллег: Н.С. Автономовой, О.П. Зубец, Е.В. Петровской, О.В. Аронсона и др. Социальность при этом выступает как эклектичная, но пропитанная надеждой на понимание. Последняя, однако, сталкивается с препятствиями, вызванными острой полемикой в плюралистическом мире, результатом которой является не сближение, а отталкивание. По мнению автора, это может происходить из-за пренебрежительного или высокомерного отношения к оспариваемому мнению индивида или социальной группы и наделению их характеристиками, превращающимися в социальное клеймо. Причиной внутренних и внешних разрывов между социальными группами может быть непонимание запросов друг друга. Автор предлагает «опыт сдвига акцентов анализа» с целью достижения консенсуса, в чем, на его взгляд, «состоит функция практической философии» (с.7).

Книга состоит из трех разделов, каждый из которых делится в свою очередь на три главы. В разделе I главы называются «Так ли опасны информационные технологии для письменной культуры?», «Культурный плюрализм: шанс или угроза?», Культура и идеология: разные взгляды на эклектику (перечитывая М. Гаспарова). Задачей А.А. Сыродеевой является разрешение противоречий в связке «культура – идеология». Опираясь на широкое толкование культуры Гаспаровым, который полагал, что человек, принимающий ответственность за все, что с нами случилось до нашего рождения, может надеяться научиться чему-то у истории, автор полагает, что идеология у Гаспарова выступает как понятие, производное от такого понимания культуры. Идеология - вектор воздействия на пребывающего в многоликом мире культуры. Она «как комплекс идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных», «она врывается в индивидуальную жизнь, ставит преграды, упрощает, сплюсчивает социальную действительность» (с. 43). «Идеологией может стать любой взгляд, циркулирующий в культуре, когда его насаждают как нечто “обязательное”. Идеология использует материал культуры, паразитируя на нем». (с. 45 – 46).

В разделе II одна из глав «В защиту повседневности посвящена попыткам преодолеть неприязнь в отношении повседневного, не способствуя повышению социального напряжения. Автор анализирует роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», смысл которого в том, чтобы показать, что «повседневность и есть собственно жизнь» (с. 53), что «обычаи повседневности не ограничены рамками рутинного быта, они выводят личность на уровень ценностей и смыслов, вверяемых нам другими» (с. 54). В главе «Ускользящая реальность», сопровождаемой эпиграфом из Библихины, который говорил об ускользящем бытии как о собственно бытии, автор ставит акцент на неоправданности «аристократизма знания... в силу возрастающего демократизма, доступности знания» (с. 75 – 76).

Раздел III посвящен поискам сложных решений через нюансировку событий. Как считает автор, межгрупповое противостояние часто оказывается средством внешней манипуляции при наличии, однако, «своего рода социальных склонностей, которые запускают процесс взаимного неприятия» (с. 92). К таким склонностям относится прежде всего «чувствительность к полутонам и нежелание разгадывать *мозаичный* пазл Другого», что значит: способность «оперировать ограниченным количеством отчетливо выраженных характеристик» (с. 92). Таким образом оказываются востребованными стереотипы с их однобокостью и неадекватностью – это происходит потому, что сознание «без усилия и тренировки... выбирает легкий путь», хотя анализ набора свойств Другого позволило бы быть более объективными. На создание определенной социальной тенденции работает и такой фактор, как время, приводящее к смене поколений. Новое поколение по-своему распоряжается «багажом противостояния» предыдущего поколения, не будучи отягощенным опытом действия и будучи рационально свободнее и опытнее. «Модераторы-современники, - пишет автор, - хорошо знают историческую фактуру. Претензии к тем, с кем не согласны, не мешают им слышать разные мнения, включая самые тихие. Они делают выбор в пользу спокойной тональности. Не ретушируют трагическое, не предают его забвению. Ощущают себя ответственными... разобраться в механизме противостояния, порождающего в том числе жестокость» (с. 109).

Обращая внимание на новизну отношения к эклектике нынешней социальности через то, что автор называет нюансами и «тихостью» определенных мнений, при чтении все же возникает желание на конкретном социологическом материале проверить действительное положение дел, связанное с желанием разобраться в механизме противостояния, вызывающего жестокость – у какой из сторон она возникает, какими конкретно обстоятельствами вызвана и чем обусловлена. Очевидно, что есть усталость от «исторических войн», от попыток отрицания советского прошлого или, напротив, возведения его в культ». Ссылки на то, что от усталости люди занимают примирительную позицию, иногда называемую «нейтральной ис-

торией», не совпадают с авторским утверждением об ответственности поколения, желающего разобраться в механизмах противостояния.

Во многом заявка на необходимость такого социологического исследования сделана в главе «Уроки социальной истории», где речь идет о сравнении методологических почерков Б.А. Грушина и З. Баумана, - одной из ярких глав, с действительно конкретным показом социально-политических пристрастий XX в., свидетельствующих, как ни странно, бесконечную повторяемость некоей деятельности. Сравнение исследовательских манер Грушина (пытавшегося подвергнуть испытанию феномен массы с ее динамичностью и открытостью) и Баумана (обращавшего внимание на такую характеристику социальной реальности, как неопределенность) позволяет автору обнаружить тот самый фактор социо-культурного плюрализма, о котором заявлялось в начале книги. Яркость этой главе придает именно личное авторское отношение к упомянутым социологам, позволяющее поставить вопрос об уравнивании разных людей в праве на критику. Словами М. Уоллера выстраивается картина мира повседневности как «территории реалистичности, жизненности обсуждаемых разрабатываемых критиком идей», отождествляемого с миром морали, ставящего перед исследователями задачи изучить «его внутренние правила, императивы и идеалы» (с. 115). Инструментом исследования при этом является «знание интеллектуала», обеспеченное динамикой и богатством социального опыта.

Книга адресована обществоведам и широкому кругу читателей.

Розин, Вадим. Мир художника Романа Фаерштейна. Жизнь и творчество Любви и Анны Зимоненко. – М.: Новый Хронограф, 2020. – 196 с. с илл.

Книга интересна прежде всего тем, что в ней ныне действующий российский философ, культуролог и психолог Вадим Маркович Розин рассказывает о своих родственниках-архитекторах и дизайнерах, чья история (биография) началась в России и продолжилась в Германии. Как сообщается в аннотации, «глава семейства Роман Фаерштейн, архитектор и дизайнер, автор ряда больших выставок, на которых в свое время демонстрировались достижения народного хозяйства и промышленности СССР, его жена и дочь Любовь и Анна Зимоненко – тоже архитекторы и дизайнеры, а Анна еще и научный сотрудник. Переехав в Германию, семья продолжала организовывать выставки, но уже небольшие, причем все контакты и, так сказать, рыночное обеспечение взяла на себя Анна. Материалом для исследования послужили не только перипетии жизни, но и творчество еврейской семьи Фаерштейна – Зимоненко, оказавшейся вполне успешной как в России, так и в Германии. Автор показывает, что в их творчестве органично соединились классическая и авангардистская тра-

диции, дизайн, архитектура и научная рефлексия, российская, еврейская и европейская культуры. Излагает автор в качестве отступлений и свои взгляды на авангард, конструктивизм, современное искусство, самоопределение российского еврея». Так, например, Розин описывает авангардистское пространство как продуманную человеком конструкцию для практической жизни массы людей. Оно органично связывалось с современной техникой, с коллективным трудом, с соревнованием, праздниками, даже конкуренцией. Пространство обеспечивало «реализацию личности как атома коллектива и реализацию масс, а также как движение, понимаемое уже технически» (с. 89).

В конце книги Розин сравнивает позицию эмигранта с позицией наблюдателя, туриста и путешественника. Случай его семьи показывает, что, находясь в таком положении, наблюдатель и пр. оказался способным строить «полноценный виртуальный мир, в котором мог жить и реализовать себя как личность» (с. 180). Этот мир обладает тройным смыслом: будучи, прежде всего, эстетическим, он удовлетворял проектной идеологии и был миром наблюдателя и путешественника (с. 182).

Хорошее проектное исполнение книги с большим количеством прекрасных иллюстраций делает книгу особенно значимой и выразительной не только для архитекторов и художников, но и для ученых-гуманитариев, «выстраивающих картину мира повседневности как территории реалистичности» (ср. с предыдущей книгой).

Розин, Вадим. Этюды по философии образования. Смена парадигм. – М.: Новый Хронограф, 2021. – 288 с.

Исследования новых форм образования – тьюторного, семейного, открытого, экосистемного, инклюзивного – тема этой книги, состоящей из трех разделов. Автор называет их этюдами, потому что это – не завершенная конструкция, а отдельные, хотя и проанализированные наблюдения. В первый раздел книги входят «некоторые черты новых форм образования», содержанием которого является культура. В этом разделе рассматриваются концепции иноязычного образования Е.И. Пассова, семейная (не)школа «Искатели», экосистемное и инклюзивное образование.

Концепция Пассова, изложенная по его опубликованной «Программе-концепции коммуникативного иноязычного образования. Развитие индивидуальности в диалоге культур», по словам автора, подсказанная «школой диалога культур» В.С. Библера. Смысл ее в попытках воспитания личной ориентации ученика при освоении иностранного языка на то, чтобы сделать этот язык моментом диалога культур. Это важно потому, цитирует автор Пассова,

«что формирование человека культуры, человека духовного всегда проходит благодаря диалогу культур – родной и иностранной» (с. 12). Посредником между двумя реальностями – диалога и освоения языка – становилось общение через язык и в языке как форма понимания обеих культур. Общение предполагает взгляд на учителя как ретранслятора и интерпретатора культуры, взаимодействие субъектов образовательного развития, опора на индивидуальность, способную не репродуцировать, а продуцировать культуру, создание *homo moralis*, уважение к личности ученика, равноправие партнеров образовательного процесса (ученика и учителя), формирование воли к образованию, предполагающей создание модели культуры. Эта модель предусматривает совокупность таких приемов, вырабатываемых не учителем, а учеником в ходе образования, как компетенция и способности, состоящие из используемых *действий* (имитация, репродукция, антиципация, догадка и пр.), *материала* (лексические единицы, речевой образец, микротекст, рисунок, схема и пр.), *способов* (индивидуальное решение задач, парное или групповое) и *условий* (память, слух, опыт, интересы, статус в классе и пр.).

К сожалению, конкретных способов научения в книге не приведено, связь с ШДК Библера оказалась вербальной и в чем именно *проявилась* концепция Пасова, «опередившая на несколько десятилетий время», неясно: лишь термин «компетенция», правда, в другом смысле, стало символом нынешнего образования, утратившего возникшие было черты диалога культур.

Второй раздел посвящен «становлению и особенностям тьюторского образования», под которым понимается не замена учителей тьюторами, а сопровождение тьютором «отдельного индивида или группы с целью помочь в становлении и развитии их личности... инициировать подобное становление и развитие через сопровождение индивидуальной образовательной программы» (с. 78 – 79). Тьютор обеспечивает *горизонтальные* отношения с подопечным, предполагающие сотрудничество и дружбу с опорой на взаимоуважение и авторитет. Если учесть используемые в книге определения личности как «самодетерминации» (Библер), «самообразование» (В.Л. Данилова), «самостроительство» (Т.М. Ковалева), «самоконституирование» мира и себя в нем (Розин), то тьютор оказывается не только другом, но и своеобразным «толчком индивида к личности», которая есть наивысшее развитие индивида.

В третьем разделе рассматриваются «условия мыслимости новых видов образования», анализ которых ведется от взглядов Л.С. Выготского к современным концепциям развития через экзистенциальный выбор, сознательное выстраивание собственной жизни и цифровизацию в образовании.

Признавая множественность траекторий развития образования, автор видит особенности новой парадигмы, состоящей именно в инициации разных форм становления личности, среди свойств которой являются «умение сотрудничать, способность к творчеству и решению нестандартных задач, настойчивость, любопытство, инициативность и проч.», что, по мнению автора, относится к платформе XXI в. (с. 284 – 285). Не исключено, однако, что следовало бы проанализировать суть этих понятий, особенно креативности, применительно к каждому периоду их существования и применения.